

УДК 811. 352.3

DOI 10.47928/1726-9946-2021-21-3-55-60

Вклад Б.К. Утижева в адыгское языкознание*Бижоев Б. Ч.*

Представлено академиком АМАН Х.И. Баковым

Борис Кунеевич Утижев известен больше как талантливый драматург и поэт, знают его также как художника-чеканщика и скульптора. Однако редко кто говорит о нем как об ученом-лингвисте. Между тем это его первоначальная профессия. Сразу же после окончания Кабардино-Балкарского госуниверситета, в 1968 году, его взяли на работу в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт на должность стажера-исследователя сектора кабардино-черкесского языка, в следующем 1969 году был отправлен в целевую аспирантуру в Грузинскую академию наук, Институт языкознания. В те годы Тбилиси, наряду с Москвой, был центром лингвистического кавказоведения и заодно кузницей кадров по языкознанию и другим гуманитарным наукам для всех северокавказских республик. Борису Кунеевичу посчастливилось учиться у таких именитых лингвистов-кавказоведов, как академик Арнольд Степанович Чикобава, профессора Кетеван Ломтатидзе и Георгий Рогава. Последний был его научным руководителем, у него он написал кандидатскую диссертацию, которая называлась «Позволительно-повелительные формы в кабардинском языке», ее он успешно защитил там же в 1972 году. Свидетельством того, что он не терял время зря, является то обстоятельство, что Б. Утижев уложился в отведенные аспирантурой три года, что, как известно, удается далеко не всем аспирантам. В Тбилиси Борис Кунеевич не только серьезно и сосредоточенно занимался исследовательской работой. Именно в те годы он увлекся скульптурой и чеканкой, ходил в мастерские известных на весь Советский Союз грузинских художников и наблюдал за их творчеством. Впоследствии, литературное творчество он сочетал с чеканкой – по этому направлению изобразительного искусства он оставил богатое художественное наследство.

Окончив аспирантуру, Борис Утижев вернулся в родной институт и трудился здесь в должности старшего научного сотрудника до 1990 года, т.е. целых 18 лет.

В первые годы научной деятельности Б.К. Утижев продолжил разработку темы, начатой в диссертационной работе. Формы наклонений глагола, казалось бы, уже были изучены ранее – их касались многие ученые, начиная с Шоры Ногмова. Тем не менее, Утижеву удалось обнаружить такие нюансы, о которых до него никто не говорил. Не вникая слишком глубоко в суть проблемы, скажем, что речь идет о тех оттенках, которые могут присутствовать в повелительном наклонении в зависимости от того, какие грамматические способы используются для его формирования. Например, в адыгских языках встречаются глагольные формы, которые образуют особый вид повелительно-го наклонения – его Утижев назвал повелительно-желательной формой [1, с. 255]. Ее морфологический показатель – префикс *уы-*: *сы-уы-кIуэ* «да пойду я!», *уы-уы-кIуэ* «да пойдешь ты!», *уы-кIуэ* «да пойдет он!»

Впрочем, присутствие префикса *уы-* для выражения подобного значения обязатель-

но не для всех случаев: наряду с формой *сы-уы-кIуэ*, например, в языке употребляются и *сы-кIуэ* с тем же значением. Однако существование подобных вариантов возможно не всегда, это зависит от структуры глагола – от его переходности-непереходности, статичности-динамичности, количества лиц, присутствующих в данном глаголе. Все это нашло отражение в исследовании Б. Утижева. Не остались в стороне также различия между кабардино-черкесским и адыгейским языками по парадигматике повелительно-желательных форм. Основное из них – это отсутствие в адыгейском языке специального аффикса наподобие кабардино-черкесского *уы-* [1, с. 257].

С другой стороны, данные языки идентичны в выражении отрицания в повелительно-желательных формах – с помощью «особо подчеркнутой интонации, которая выражает категорическое отрицание, запрещение говорящим лицом совершения действия»: каб.-черк. *кбыхуэзытI!* // *кбыхуэзытI!* и адыг. *кбыфэсэтI!* «еще бы, я покопаю для него!» в смысле: «не покопаю!» [1, с. 258].

Из анализируемых глагольных форм Б.К. Утижев выделяет особую группу, состоящую из фразеологизмов и других устойчивых выражений, являющихся здравицами, проклятиями: *уи лъапсэр укIуэд* «да пропадет твой род!», *насыпыфIэ ухъу!* «да станешь ты счастливым!» и т.д. В них совершение действия ожидается не от самого объекта побуждения, а от другого, обычно сверхъестественного лица.

К формам, входящим в указанную группу, может присоединиться усилительная частица *-и*: *насыпыфIэ ухъуи!* «да станешь ты счастливым!» [1, с. 260].

Другая разновидность повелительного наклонения – позволено-повелительная форма, сравни: *кIуэ!* «иди!» – чисто повелительная форма и *урекIуэ!* «пусть идет!». Как показывает пример, значение позволенности выражается префиксом *ре-*. Формы с данным префиксом отличаются не только своим значением, но и несравнимо большей сферой употребления: если «чистое» повеление возможно только по отношению ко второму лицу, то она распространяется на все три лица: *сырекIуэ!* «да пойду я», *урекIуэ* «да пойдешь ты!», *урекIуэ!* «да пойдет он (она)!».

В то же время Б.К. Утижев выявил, что позволено-повелительные формы с субъектом в первом и во втором лице в адыгских языках употребляются довольно редко. Обычно встречаются формы с субъектом в третьем лице: ар *урекIуэ!* «пусть он (она) идет!» [2, с. 80].

То, что формы с префиксом *ре-* и по своему значению, и по грамматическому оформлению, и по своей парадигматике являются подвидом повелительного наклонения, Б.К. Утижев убедительно доказал в своем монографическом исследовании «Позволено-повелительные формы в кабардино-черкесском языке» (Нальчик: Эльбрус, 1987) [2].

Круг интересов Б. Утижева в языкознании был широк – его публикации касались и диалектологии, и этимологии, и стилистики, лексикологии и лексикографии.

Пожалуй, ни один из специалистов, занимающихся историей адыгских языков, не обходит без внимания статью Б. Утижева о первичной основе *хэ* [3, с. 47-52]. В этой работе автор вступает в спор с осетинским исследователем Ю.С. Гаглойти, пытающимся доказать первичность осетинского *ныхас* по отношению к адыгскому *хасэ* «совет», опираясь на авторитет В.И. Абаева.

В названной работе последовательно подвергаются сомнению все три основных дово-

да, на которых построена версия Ю. Гаглойти. Во-первых, утверждение данного автора о том, что в кабардинском языке параллельно с *хасэ* употребляется и *ныхас*, не соответствует действительности – последнее слово нигде ни разу не зафиксировано в словарях и специальной литературе.

Во-вторых, из утверждения, что в осетинском языке *ныхас* означает место в ауле, где собирались старики на совет, вряд ли можно вывести генезис этого слова. В данном значении и осетинское *ныхас*, и адыгское *хасэ*, и карачаево-балкарское *ныгъыш* ничем не отличаются друг от друга.

В-третьих, первичность осетинского *ныхас* не доказывается тем фактом, что в данном языке оно входит в некоторые глагольные образования, поскольку подобное явление значительно шире наблюдается в кабардино-черкесском языке: *Нарт хасэм, си щIалэ, Сытхэр щаухасэ?* *Нарт хасэм, си нэху, сытхэр щаухэс?* «О чем говорили в Хасе нарты, мой мальчик? Что решили в Хасе нарты, мой свет?» [5]; *Нарт шу гупыр мэхасэр, зэщIошасэри ныдокI* «Отряд нартских всадников советуется, садятся на своих коней и выезжают» [5].

Ошибочным является также аргумент Ю. Гаглойти о том, что в дореволюционной публикации адыгского нартского сказания встречается вместо *хасэ* другое слово с этим значением – *шушес*. Здесь автор или не разобрался в сути, или же сознательно вводит читателя в заблуждение: *шушэс* буквально означает «сесть верхом на лошадь», является военным термином, смысл которого «сбор всадников-воинов для отправки в поход, в бой, на войну» [6, с. 763].

Б. Утижев приходит к выводу, что слово *хасэ* состоит из двух компонентов: *ха* (*хэ*) «место» + *сэ* (*сы*) «говорить, изъявить, высказать что-либо», т.е. «место, где высказываются, советуются» [3, с. 52]. Элемент *ха* (*хэ*) в указанном значении встречается в словах *хамэ* «чужой», *хэгъуэгъу* «родина», *хэгъэрей* «знакомый», *лбахэ* «владение, земля, край», *халIэ* «усадыба» и др. Компонент *сэ* (*са*) содержится в словах *усэн* «сочинять (стихи)», *гупсысэ* «дума», *псысэ* «волшебная сказка», *тхъэусысэхэ* «жалоба» и др.

Коснулся Б. Утижев и говора трех сел Лескенского района КБР – Старого Лескена (ныне Анзорей), Второго Лескена и Ерокко. Речь этого ареала, отличающаяся рядом специфических особенностей, до него никто не исследовал. Отличия речи лескенских кабардинцев от литературного языка, как выявлено Утижевым, касаются, в основном, фонетики. Наиболее характерные из них:

1) замена шипяще-свистящего спиранта *жъ* свистящим мягким спирантом *з'*, например: *иньжъ* – *иньз'* (великан), *лIыжъ* – *лIыз'* (старик), *ежьаш* – *ез'ас'* (отправился) и т.д.;

2) замена шипяще-свистящего щ свистящим мягким *с'*, например: *сыкIуаш* – *сыкIуас'* (пошел), *щыташ* – *с'ытас'* (простоял), *текIуаш* – *текIуас'* (победил) и т.д.;

3) замена шипяще-свистящего абруптивного спиранта *щI* свистящим абруптивным спирантом *с'I*: *хуашIаш* – *хуас'Iас'* (сделали для него), *щIэпхъуаш* – *с'Iэпхъуас'* (побежал) и т.д.;

4) замена глухого свистящего спиранта *с* свистящей аффрикатой *ц* в словах, образованных от корня *псы*: *псы* – *пцы* (вода) [4, с. 109].

В статье перечислены еще целый ряд фонетических явлений, но они уже не являются

спецификой данной местности, поскольку наблюдаются во многих других кабардинских населенных пунктах.

Причину возникновения лескенского говора Б. Утижев склонен увидеть в том, что в лескенских селах осело значительное количество осетин, речь которых повлияла на кабардинскую часть. В то же время его настораживает мнение А.К. Шагирова о том, что наличие этих звуков в речи представителей других говоров, которые не находятся в соседстве с осетинами (например, представителей малкинского говора), не дает возможности категорически утверждать, что они являются только результатом влияния осетинского языка [7, с. 291-296].

Действительно, звуки *з', с', с'І* вместо литературных *жь, щ, щІ* присутствуют в речи малкинцев, моздокских кабардинцев, зарубежной кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции [8, с. 207-209]. По истории языка мы знаем, что такое состояние было характерно для кабардинского языка еще в первой половине XIX века, поэтому можно было бы предположить, что это отголоски прошлого состояния языка. Однако нельзя не обратить внимание на то, что *з', с', с'І* сохранились именно среди кабардинцев, смешавшихся или живущих по соседству с другими народами – абазинами (малкинский говор), ногайцами и осетинами (моздокские кабардинцы), осетинами (лескенские села), тюрками (турецкая диаспора), арабами (диаспора в Сирии и Иордании). Это наводит на мысль о том, что первичные по отношению к *жь, щ, щІ* *з', с', с'І* законсервировались у них благодаря иноязычной примеси, для речевого аппарата которой эти звуки оказались более доступными.

В конце статьи Б. Утижев предполагает, что к лескенскому говору можно отнести речь жителей двух близлежащих сел – Уруха и Старого Уруха (ныне Хатуей), анализ которой пока осталось вне его исследования [4, с. 112]. Здесь я отмечу, что мне приходилось изучать речь жителей Лескенского района в рамках исследования влияния осетинского языка на кабардинский и смогу осветить эту проблему [9, с. 80-83]. Тогда же я объяснил наличие в речи второлескенцев и ерокцев звуков *з', с', с'І* вместо *жь, щ, щІ* тем, что для осетин было трудно освоение последних и они произносили их как *з', с', с'І*. Впоследствии, когда говорящие таким образом стали численно преобладать, подобное явление распространилось и на самих кабардинцев [9, с. 82].

Для подобного влияния «пришлого» языка над коренным, видимо, важную роль играет массовость миграционных процессов. Например, три селения, являющиеся носителями лескенского говора, образуют единый анклав так называемых «анзоровцев» вместе с еще двумя населенными пунктами – Урухом (старое название Коголкино) и Хатуюем (в прошлом Старый Урух). Последние также соседствуют с осетинами, в них также по несколько родов, имеющих осетинские корни, тем не менее, в Урухе и Хатуюе население стабильно соблюдает нормы литературного языка на всех уровнях. Причину мы видим в том, что здесь было иное количественное соотношение между носителями кабардино-черкесского и осетинского языков.

Хочу отметить также не только как языковед, но и как уроженец Лескенского района тот факт, что в речи старшего поколения жителей осетинского села Лескенского района – Озрека, владеющего, наряду с родным, и кабардинским языком, наблюдаются отмеченные фонетические особенности лескенского говора. Озрекцы составляли квартал

Анзорея длительное время и были отселены от него в отдельный населенный пункт в 20-е годы XX века.

Думаю, понятно, что Б.К. Утижев, будучи сам художником слова, не мог оставить без внимания проблемы литературного стиля языка, его художественных средств выражения. У него имеется серия публикаций по этой теме. Будет правильнее, наверное, если их оценку сделают литературоведы.

Ничуть не умаляя вклад Б.К. Утижева в перечисленные выше направления адыгского языкознания, все же нужно отметить, что годы, отданные науке, он посвятил главным образом лексикографии. Достаточно назвать первый толковый словарь кабардино-черкесского языка, куда он вложил титанический труд и как один из составителей, и как один из его научных редакторов. Подготовка и издание данного словаря заняло около 40 лет, в течение которого текст неоднократно дорабатывался, несколько раз его редактировали, и Б. Утижев был в числе участников этих процессов с 1972 года и до его выхода в свет в 1999 году [6]. Не будет преувеличением, если скажу, что те разделы, которые разрабатывал он, являются одними из наиболее совершенных и достоверных.

Б.К. Утижев принимал участие также в составлении фразеологического словаря кабардино-черкесского языка. Этот труд остался, к сожалению, незавершенным по ряду объективных и субъективных причин. Тем не менее, впоследствии, когда Министерство просвещения КБР заказало Научно-исследовательскому институту Учебный словарь фразеологизмов кабардино-черкесского языка, Б.К. Утижев получил возможность обнародовать разработанные им разделы как один из соавторов данного издания [10].

Таким образом, Б.К. Утижев оставил заметный след в адыгском языкознании. Его вклад в эту отрасль является еще одним ярким свидетельством многогранности таланта и величия его заслуг перед своим народом и своей республикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Утижсев Б.К.* Повелительно-желательные формы в кабардино-черкесском языке // Вестник КБНИИ. Нальчик: Эльбрус, 1973. Вып. 7. С. 255-261.
2. *Утижсев Б.К.* Позвоительно-повелительные формы в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Эльбрус, 1987. 88 с.
3. *Утижсев Б.К.* Об одной первичной основе в адыгских языках // Актуальные вопросы адыгских языков. Нальчик: КБНИИФЭ, 1981. С. 47-52.
4. *Утижсев Б.К.* Некоторые особенности речи лескенских кабардинцев // Актуальные вопросы адыгских языков. Нальчик, 1981. С. 109-112.
5. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык: Эль-Фа, Тхыль тедзапIэ компание «Ашэмэз», 1995. 560 н.
6. Адыгэбзэ псалгальэ. М.: Дигора, 1999. 860 н.
7. *Шагиров А.К.* Малкинский говор // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. С. 290-329.
8. *Бижоев Б.Ч.* Язык кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 201-240.

9. Бижоев Б. Ч. Иранская лексика в кабардино-черкесском языке // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть II. Владикавказ: Северо-Осетинский госуниверситет, 2018. С. 80-83.
10. Бэрбэч Б. Ч., БиццIo Б. Ч., IyтIыж Б. Къу. Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалъалъэ. ЕджапIэхэм папщIэ. Налшык: Эльбрус, 2001. 240 н.

ABSTRACT

The article is devoted to the historical analysis of the philological sciences of Boris Kuneevich Utizhev. He is better known as a talented playwright and poet, but, nevertheless, he is a person who made a significant contribution to the Circassian linguistics. The range of his interests in this field was wide – modern grammar and history of the language, dialectology, lexicology and lexicography, stylistics, according to which he published articles, monographs, dictionaries. In this article, an attempt is made to appreciate the significance of the works of B.K. Utizheva for the development of Adygology.

Keywords: Kabardino-Circassian language, explanatory dictionary, phraseology, imperative-permissive form, dialect, primary basis.

Institute of Humanities Research KBSC RAS, Nalchik

E-mail: bizhiov1952@mail.ru

© В.Сh. Bizhiov, 2021

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу лингвистического наследия кандидата филологических наук Бориса Кунеевича Утижева. Он больше известен как талантливый драматург и поэт, но, тем не менее, он человек, внесший весомый вклад в адыгское языкознание. Круг его интересов в этой отрасли был широк – современная грамматика и история языка, диалектология, лексикология и лексикография, стилистика, по которым им опубликованы статьи, монографии, словари. В данной статье сделана попытка оценить по достоинству значимость трудов Б.К. Утижева для развития адыговедения.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, толковый словарь, фразеология, повелительно-позволительная форма, говор, первичная основа.

Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, Нальчик

E-mail: bizhiov1952@mail.ru

© Б.Ч. Бижоев, 2021